

**Постоянное представительство
Российской Федерации
при Организации
Объединенных Наций**

*Phone: (212) 861-4900
Fax: (212) 628-0252*

**Permanent Mission
of the Russian Federation
to the United Nations**

*136 E 67th Street
New York, NY 10065*

Check against delivery

ВЫСТУПЛЕНИЕ

**представителя Российской Федерации в Шестом комитете
78-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН по пункту повестки дня
«Защита людей в случае бедствий»
(Cluster 4 – статьи 10, 11, 13 и 14)**

9 октября 2024 года

Г-н Председатель,

Ст.10 рассматриваемого проекта статей Комиссии международного права (КМП) касается обязательства пострадавшего государства обеспечивать защиту людей и оказывать помощь в ликвидации последствий бедствий на своей территории или на территории под его юрисдикцией и контролем. При этом формулировка ее п.2 предусматривает, что главная роль в руководстве, контроле, координации и надзоре за такой помощью в ликвидации последствий бедствий принадлежит пострадавшему

государству. Такая постановка вопроса, видится странной и некорректной. Какой еще субъект вправе осуществлять данные действия на территории государства или на территории под его юрисдикцией и контролем, кроме самого государства? Как это соотносится с абсолютным и исключительным правом государства самостоятельно решать все внутренние вопросы? Данное положение чревато подрывом принципа суверенитета государства. Прослеживаются параллели с печально известной концепцией «ответственности по защите» (R2P), которая недобросовестно использовалась рядом стран как инструмент вмешательства во внутренние дела государств и смены «неугодных режимов».

Ст.11 накладывает на пострадавшее государство обязательство, в случае превышения его национального потенциала реагирования, обращаться за внешней помощью. Такой подход идет вразрез с установлениями профильных международных договоров. В частности, в Конвенции Тампере о предоставлении телекоммуникационных ресурсов для смягчения последствий бедствий и осуществления операций по оказанию помощи 1998 г. (п.1 ст.4) указывается не на обязательство, а на право государства-

участника, нуждающегося в телекоммуникационной помощи для смягчения последствий бедствия и облегчения создавшегося положения, запросить такую помощь у любого другого государства-участника либо непосредственно, либо через координатора операций. Рамочная конвенция по оказанию помощи в области гражданской обороны 2000 г. равным образом приоритезирует потребности пострадавшего государства. Ключевой принцип по Конвенции – предоставление только той помощи, которая была запрошена принимающим государством или которая была предложена помогающим государством и одобрена принимающим государством (п. «а» ст.3).

Право государства самостоятельно определять собственный потенциал реагирования на бедствия и потребности в помощи, а также принимать суверенное решение о принятии международной помощи, ее направлении, координации и контроле должны быть строжайшими положениями проекта статей КМП о ЗЛБ. Действующее международное право не содержит обязательства государства обращаться за внешней помощью. Предусмотренная же в проекте статей КМП о ЗЛБ такая обязанность подрывает суверенитет и не

согласуется с правом пострадавшего государства самостоятельно определять потребности в помощи. Государства имеют право выбирать, к каким участникам обращаться за помощью, принимая в внимание их потенциал и компетенции для ее качественного оказания.

Проект статей КМП о ЗЛБ, напротив, создает условия для навязывания непрошенной и некачественной помощи.

Нам непонятно, по какой причине пострадавшее государство оказалось на последнем месте. Речь только о его обязательствах, о правах – минимум положений. Мало положений имеют отношение к правам пострадавшего государства. Еще меньше – об обязательствах оказывающих помощь государств и иных акторов. Снова параллели с R2P.

Ст.13 следует такой же извращенной логике, в соответствии с которой процесс предоставления помощи запускается не на основе просьбы пострадавшего государства, а на основе права других субъектов предложить предоставить такую помощь. О дискриминации пострадавшего государства свидетельствуют положения п.2 ст.13, согласно которым пострадавшее государство не

может произвольно отказывать в согласии на внешнюю помощь. Отмечаем, что такой обязанности в международном праве не существует. Подобные положения не опираются на практику. Неуместным видится и использование оценочных категорий: кто будет определять «произвольность» такого отказа?

Ст.14 о праве пострадавшего государства оговаривать условия оказания внешней помощи КМП могла бы пойти дальше, указав, что помощь должна оказываться с соблюдением суверенитета, независимости и территориальной целостности пострадавшего государства, не использоваться для вмешательства в его внутренние дела. Пострадавшее государство вправе, прежде чем, принять предложение о внешней помощи, иметь возможность устанавливать любые условия для ее оказания.

Благодарю за внимание.